

КОСВЕННАЯ ЗАСВИДЕТЕЛЬСТВОВАННОСТЬ В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье предлагается рассмотреть некоторые явления латинского языка под углом зрения категории эвиденциальности. Автор выделяет элементы, которые могли бы быть названы стратегиями маркирования непрямого доступа к информации (или косвенной засвидетельствованности), и показывает, что они относятся скорее к грамматическим, чем к лексическим средствам выражения категории эвиденциальности. Эти морфологические и синтаксические элементы трактуются в соответствии с принятой классификацией эвиденциальных значений как косвенные инферентивные и косвенные репортативные показатели. Для каждой обнаруженной в латинском языке эвиденциальной стратегии автор находит параллели в других языках. В итоге, в арсенале латинских маркеров непрямого доступа к информации оказывается 5 способов выражения инференциальной (презумптивной) эвиденциальности и 4 – репортативной. Данный подход демонстрирует, что традиционный грамматический инвентарь может выражать гораздо больше значений, чем принято полагать.

Ключевые слова: латинский язык, косвенная инферентивная засвидетельствованность, косвенная репортативная засвидетельствованность, субъективность в языке.

1. Введение

Лингвистическая категория засвидетельствованности (эвиденциальности) является одной из самых актуальных тем современного языкознания. Ее основная функция – это указание на источник информации или на способ доступа к информации, о которой сообщается в высказывании. В соответствии с наиболее распространенной классификацией эвиденциальных значений, источники информации делятся на

- прямые (визуальные, аудитивные, прочие сенсорные),
- не прямые инференциальные (основанные на догадке или логическом выводе),
- не прямые репортативные (основанные на передаче чужих слов)¹.

Существуют языки, в которых эта категория грамматикализована и обладает обязательностью выражения, так что каждое

¹ Подробнее о классификации эвиденциальных значений см. Plungian 2001: 353; 2010: 37.

высказывание должно сопровождаться указанием на источник информации, иначе фраза будет грамматически неполной (Aikhenvald 2004: 6). В других языках ссылка на источник информации является факультативной и может выражаться как грамматическими, так и лексическими средствами². В настоящее время большая часть работ, рассматривающих категорию эвиденциальности в разных языках, посвящена дискуссии о природе этих средств, а имеено, являются ли они частью грамматики или лексики³. С этой точки зрения, языки могут быть разделены на три группы:

- 1) языки с грамматикализованной эвиденциальностью,
- 2) языки, в которых эта категория выражается лексическими средствами,
- 3) языки, в которых эвиденциальные значения передаются не специфическими формами, а кумулятивными показателями, имеющими, наряду с эвиденциальными, и другие грамматические значения (Lazard 2001: 360).

Для последних А. Айхенвальд предложила удачное определение «эвиденциальные стратегии» (Aikhenvald 2004). Основное значение таких стратегий может лежать в плоскости категорий времени, залога, наклонения и т. д., а эвиденциальное проявляется как «побочный эффект» в определенных контекстах. В данной работе я бы хотела показать, что термин «эвиденциальная стратегия» хорошо подходит к способам выражения засвидетельствованности в латыни. Важно отметить, что эвиденциальная функция рассматриваемых языковых единиц обнаруживает себя, как правило, во взаимодействии с другими единицами языка и может вовсе не проявляться изолированно от контекста. Механизмы взаимодействия, запускающие такую «добавочную» эвиденциальную функцию у несобственно эвиденциальных показателей, принадлежат к области прагматики (Wiemer, Stathi 2010: 279).

Латинский язык, как мне представляется, обладает разными средствами передачи всех эвиденциальных значений – как прямых, так и косвенных. Их можно классифицировать скорее как грамматические, чем как лексические, если понимать под грамматикой не только аффиксы, клитики и частицы, но и

² Большинство языков со специальными маркерами эвиденциальности распространены в Северной и Южной Америке, а также среди тибето-бирманских, балканских и некоторых других языков.

³ Критический обзор различных точек зрения на данный предмет дан в Boye, Harde 2009: 9–14.

синтаксические конструкции (Anderson 1986: 275). В этой работе я буду рассматривать только стратегии косвенной засвидетельствованности (инференциальной и репортративной) и только относящиеся к грамматическому инвентарю⁴. Лексические средства маркировки источника информации могли бы стать предметом отдельного исследования.

2. Косвенная инферентивная засвидетельствованность

Данное эвиденциальное значение подразумевает умозаключение или догадку, основанную на следах предыдущих действий. В латыни имеется несколько таких стратегий. Как правило, им присущи оттенки значений вероятности, ожидания, неопределенности, субъективности или дистанцированности.

2.1. Nominativus cum Infinitivo как инферентивная стратегия

Оборот Nominativus cum Infinitivo, управляемый глаголом *videri* ‘казаться’, передает одно из типичных эвиденциальных значений предположения или догадки, пример (1):

- (1) *Ille mi par esse deo videtur,
ille, si fas est, superare divos,
qui sedens adversus identidem te
spectat et audit dulce ridentem.* (Catull. 51, 1–5).

‘Кажется, что тот равен богу,
тот, если позволено, превосходит богов,
кто, сидя напротив, постоянно
видит и слышит тебя, сладко смеющуюся.’

Инферентивное значение конструкции, управляемой глаголом *videtur*, обусловлено положением дел, описанных в стихах 3–5.

Глагол *videri* является формой пассива глагола *videre* и приобретает значение ‘казаться’ не только в конструкции Nominativus cum Infinitivo, но и в предложениях с именными предикатами, где он функционирует как вспомогательный глагол, примеры (2–3):

⁴ Более подробно о грамматических и лексических средствах выражения эвиденциальности, о соотношении эвиденциальности и эпистемической модальности, а также о средствах выражения прямой эвиденциальности в латыни см. Zheltova 2017. Об отдельных аспектах выражения данной категории в мертвых языках см. Cuzzolin 2010; Greco 2013; Van Rooy 2016; Guardamagna 2017.

- (2) *Peregrina facies videtur hominis atque ignobilis* (Pl. *Pseud.* 964).
 ‘Чужим и незнакомым **кажется** лицо человека’.
- (3) *Is enim mihi videtur amplissimus qui sua virtute in altiore locum pervenit, non qui ascendit per alterius incommodum et calamitatem* (Cic. *Rosc.* 83, 4)
 ‘Ибо тот мне **кажется** достойнейшим, кто благодаря своей доблести достигает более высокого положения, а не тот, кто возвышается за счет неудачи или бедствия другого.’

Во всех рассматриваемых пассажах глагол *videri* приобретает инферентивное значение благодаря контексту: в нем описываются обстоятельства, на основании которых высказывается догадка, утверждение или предположение⁵. Важно подчеркнуть, что в обеих своих функциях (и как управляющий, и как вспомогательный глагол) он не является главным предикатом пропозиции и, таким образом, отвечает условию, сформулированному Андерсоном⁶.

Значение косвенной засвидетельствованности демонстрируют аналогичные конструкции в других европейских языках. Так, в древнегреческом глагол φαίνεται с оборотом Nominativus cum Infinitivo тоже приобретает инферентивное значение, пример (4):

- (4) ἡμῖν μὲν Ἑρμῆς οὐκ ἄκαιρα φαίνεται λέγειν (Aesch. PV 1036–37)
 ‘Мне кажется, Гермес говорит разумно’.

Так же ведут себя английский Complex subject с глаголом *to seem* и немецкая конструкция с глаголом *scheinen* в значении ‘казаться’, пример (5):

- (5) *Sie scheint ihn zu kennen.*
 ‘Кажется, она его знает’⁷.

В литературе, посвященной категории эвиденциальности в европейских языках, активно дискутируется вопрос, являются ли рассматриваемые конструкции (так называемые *seem-* constructions) грамматическими или лексическими средствами выражения данной категории. Я присоединяюсь к мнению Г. Ди-

⁵ Контекстуально обусловленное эвиденциальное значение *seem-* конструкций подчеркивается в Lampert, Lampert 2010: 314–318.

⁶ «Evidentials are not themselves the main predication of the clause, but are rather a specification added to a factual claim about something else» (Anderson 1986: 274–275).

⁷ Пример взят из Hansen 2007: 250, который настаивает на грамматическом, а не лексическом характере этого способа выражения инференциального значения.

вальд и Е. Смирновой, что по степени грамматикализации они занимают промежуточную позицию между грамматикой и лексикой и представляют собой примеры эвиденциальных систем «на стадии подъема» (Diewald, Smirnova 2010: 4).

2. 2. Coniunctivus potentialis

Семантика предположения, догадки может передаваться потенциальным конъюнктивом, как в примере (6):

(6) *Non tibi sunt integra lintea, non di, quos iterum pressa voces malo*
(Hor. Carm., 1, 14, 9–10).

‘Нет у тебя ни целых парусов, ни богов, к которым ты **мог бы** взывать, вновь и вновь **теснимый** бедствием’.

Здесь дедукция, выраженная формой *voices*, основывается на положении дел, которое Гораций описывает в предшествующем контексте: паруса разорваны, изображения богов смыты разбушевавшейся стихией, поэтому корабль, попавший в столь бедственное положение, едва ли может рассчитывать на их помощь. Конъюнктив с потенциальным значением является морфологическим, но не специальным средством маркировки инферентива, поскольку, будучи глагольным наклонением, выражает скорее модальное (гипотетическое, презумптивное) значение, а не эвиденциальное *stricto sensu*. А это как раз та сфера, в которой эвиденциальность пересекается с эпистемической модальностью⁸: сам факт, что возникает вопрос о вероятности некоего события, показывает, что говорящий не имеет *прямого* источника знаний о ситуации, а следовательно, она попадает в зону *косвенной* эвиденциальности (Plungian 2001: 354).

Пересечение этих двух категорий хорошо объясняет В. А. Плунгян: «If we regard such values as modal, we stress one of the basic characteristics of modality, namely the assessment of a situation (as highly probable); regarding it as evidential, we stress one of the basic characteristics of evidentiality, namely the reference to logical conclusions as a source of information about a situation. This way, markers of presumptive evidentiality are the only evidential markers with inbuilt modal components and the only modal markers with inbuilt evidential components» (Plungian 2010: 46).

⁸ Вопрос о соотношении этих двух категорий многократно обсуждался лингвистами, см. Givon 1982; Chafe 1986: 262; Willet 1988: 52; de Haan 1999; Wiemer 2007: 198–199; Plungian 2010: 44–46; Haßler 2010: 239 *inter alia*.

Важно подчеркнуть, что инферентивный (презумптивный) оттенок потенциального конъюнктива ограничивается формами 2 и 3 лица и только некоторыми типами предложений: лучше всего он заметен в придаточных относительных с оттенком следствия (пример 6) и в условных периодах потенциального типа, в которых конъюнктив используется как в протасисе, так и в аподосисе (пример 7):

- (7) *si existat hodie ab inferis Lycurgus, gaudeat ruinis eorum (sc. moenium), et nunc se patriam et Spartam antiquam agnoscere dicat* (Liv. 39, 37, 3).

‘Если **бы** сегодня Ликург **восстал** из мертвых, он **порадовался бы** их (т. е. стен) руинам и **сказал бы**, что и теперь узнаёт родину и древнюю Спарту’.

В этих типах предложений конъюнктив демонстрирует обертоны неопределенности, характерные для информации, полученной «не из первых рук» (Aikhenvald 2004: 106 et passim). Они различимы и в некоторых случаях независимого употребления конъюнктива (пример 8):

- (8) *iniussu signa referunt, maestique – crederes uictos – exsecrantes nunc imperatorem, nunc nauatam ab equite operam, redeunt in castra* (Liv. 2. 43. 9).

‘Без приказа они отступают и, печальные – **можно даже подумать**, побежденные, – то проклиная полководца, то дело всадников, возвращаются в лагерь’.

Аналоги подобных эвиденциальных стратегий засвидетельствованы во многих европейских языках⁹.

2. 3. Перфектные времена с результативным значением

Во многих языках с грамматикализованной эвиденциальностью маркеры этой категории совпадают с показателями времени, вида или лица (Willet 1988: 56). Времена перфекта особенно хорошо подходят на эту роль ввиду присущей им результативной семантики: прототипически перфект фокусируется на состоянии, являющемся результатом законченного действия, и инференция основывается на его следах или последствиях. Так возникает семантическая связь между перфектом и косвенной засвидетельствованностью. Примеры такой эвиденциальной стратегии представлены в некоторых кавказских,

⁹ Ср. Konjunktiv I в немецком (Hansen 2007: 244–245), Conditionnel présent во французском (Guentchéva 1994; Cordi 2007: 258–262), Modul conjunctiv и Modul prezumtiv в румынском (Manea 2005).

иранских, скандинавских, балканских и других языках (Aikhenvald 2004: 112–116).

Исторически латинский перфект унаследовал маркеры и значения двух разных времен: аориста и собственно перфекта. Отсюда два основных значения классического латинского перфекта: *Perfectum historicum*, обозначающий действие, завершившееся в прошлом, и *Perfectum praesens* с результативной семантикой. В определенных контекстах *Perfectum praesens*, как кажется, допускает дедуктивную трактовку (примеры 9–10):

(9) *Occisi sumus.*

‘Мы погибли’ (Plaut. *Vacch.* 681)

(10) *Perii, interii, occidi! Quo curram? Quo non curram?* (Plaut. *Aul.* 713)

‘Я пропал, я погиб, я умер! Куда бежать? Куда не бежать?’

В приведенных пассажах из пьес Плавта умозаключения, которые делаются его персонажами, основываются на оценке результатов предшествующих событий и, таким образом, попадают в зону инферентива. Как отмечает Х. Пинкстер, результативные конструкции с пассивным перфектом встречаются чаще, чем с активным (Pinkster 2015: 447). Последнее объясняется тем, что прототипический пассив фокусирует внимание на объекте и на том состоянии, в котором он пребывает (Aikhenvald 2004: 116), отчего времена пассива чаще обнаруживают результативные коннотации. Неудивительно поэтому, что в таких примерах, как (9), инферентивное значение перфекта усилено пассивом.

2.4. Латинские будущие времена с инферентивными обертонами

Наряду с перфектом, и будущее время может иметь инференциальную семантику. Помимо своего основного значения, оно может использоваться в «менее темпоральных или даже нетемпоральных значениях» (Pinkster 2015: 425), обусловленных тем или иным контекстом. Поскольку они могут выражать оттенки неопределенности и предположительности, ассоциируемые с будущим, их легко сопоставить с потенциальным конъюнктивом (Pinkster 2015: 427). Иногда будущее время используется в предложениях, содержащих некий вывод, основанный на упомянутом в контексте свидетельстве или на

всеобщем знании (general knowledge). Примеры такого «дедуктивного» использования даны в (11–12)¹⁰:

- (11) *Haec erit bono genere nata. Nil scit nisi verum loqui* (Plaut. *Per.* 645).
 ‘Она, должно быть, из хорошей семьи. Ничего не умеет говорить, кроме правды’.
- (12) *Sed profecto hoc sic erit: / centum doctum hominum consilia sola haec devincit dea, Fortuna* (Pl. *Pseud.* 677–9).
 ‘На самом деле, всегда так бывает: решения сотни мудрецов одолеет одна эта богиня – Фортуна’.

Следует упомянуть, что в некоторых языках грамматикализованные эвиденциалы восходят к маркерам будущего времени (Aikhenvald 2004: 111).

2. 5. Дедуктивное употребление глагола *debere*.

В определенных контекстах презумптивное и дедуктивное прочтение приобретает модальный глагол *debere* (13–14):

- (13) ‘*Plane*’ *inquam* ‘*hic debet servus esse nequissimus*’ (Petron. *Sat.* 49, 7)
 ‘Точно, – говорю – это, должно быть, негоднейший раб’.
- (14) *Sex pondo et selibram debet habere* (Petron. *Sat.* 67, 7).
 ‘На ней, должно быть, <золота> фунтов шесть с половиной весом’.

Следует отметить, что похожие значения засвидетельствованы для английского глагола *must*, французского *devoir* и немецкого *sollen*, примеры (15–17):

- (15) *It must have been a kid.*
 ‘Это, должно быть, был ребенок’.
- (16) *Il devait avoir bû plus que de coutume.*
 ‘Он, должно быть, выпил больше обычного’.
- (17) *Er soll ein guter Lehrer sein.*
 ‘Он, должно быть, хороший учитель’.

Возникает вопрос, могут ли такие модальные глаголы трактоваться как эвиденциальные стратегии или это просто лексические выражения презумптивно-дедуктивной семантики.

Согласно Айхенвальд (Aikhenvald 2004: 150), это зависит от способности данных глаголов образовывать специальные грамматические конструкции, в которых они приобретают дополнительную коннотацию, имеющую отношение к источнику информации. Мне представляется, что латинский глагол *debere* –

¹⁰ Примеры 11–12 взяты из Pinkster 2015: 447; 426.

именно такой случай, поскольку он может приобретать специальное инферентивное значение в конструкции с инфинитивом, как в примерах (13–14), в отличие от (18), где инферентивное значение едва ли можно увидеть:

(18) ... *mihī hodie attulerit miles quinque quas debet minas* (Plaut. *Pseud.* 373)

‘Сегодня воин принес мне пять мин, которые был должен’.

Инференциальная интерпретация конструкций ‘*debere* + Infinitivus’ никоим образом не исключает многочисленных случаев выражения этим глаголом семантики логической необходимости, однако как инференциальное, так и модальное значения всегда зависят от контекста.

Взаимное пересечение эвиденциальности и эпистемической модальности уже обсуждалось выше в связи с инференциальной трактовкой потенциального конъюнктива. Следует добавить, что способность определенных лингвистических единиц одновременно выражать эпистемические и эвиденциальные значения привела к появлению термина «эпистенциал» («epistential» – Lampert, Lampert 2010: 314), а эвиденциальные системы такого типа В. А. Плуноян назвал «модализованными» (Plungian 2001: 354–355; 2010: 49) и объяснил близость этих двух явлений следующим образом: «Indeed, an utterance which refers to the fact that a situation takes or took place, due to the existence of convincing reasons for it, is actually not different from one referring to the epistemic necessity of this situation: in both cases the speakers do not intend to become personally convinced of the fact a situation takes or took place, but consider it as highly credible, due to certain cause-and-effect relations known to them [...] The existence of a marker of epistemic necessity is therefore, if taken for itself, not an indicator for the presence of the grammatical expression of evidentiality within the system of a language. However, markers of this kind always exhibit an intersection of modal and evidential values» (Plungian 2010: 46).

3. Косвенная репортативная засвидетельствованность

В данном разделе речь пойдет по преимуществу о разных способах выражения *Oratio obliqua*, которая считается универсальной эвиденциальной стратегией (Aikhenvald 2004: 19). В латыни эти способы занимают пограничную позицию между грамматикой и лексикой.

3.1. Accusativus/Nominativus cum Infinitivo и Modus coniunctivus в косвенной речи

Синтаксические обороты AcI / NcI, управляемые *verba dicendi*, – один из главных способов передачи косвенной речи в латыни. Они не могут трактоваться как чисто грамматикализованные эвиденциалы, поскольку зависят от глаголов говорения (т. е. включают лексический компонент репортативной семантики), но они определенно могут считаться эвиденциальными стратегиями, примеры (19–20).

(19) *Ais Democritum dicere innumerabiles esse mundos* (Cic. Acad. 2, 55).

‘Ты говоришь, что Демокрит утверждает, будто **миры бесчисленны.**’

(20) *Eraminondas fidibus praeclare cecinisse dicitur* (Cic. Tusc. 1, 4)

‘Говорят, Эпаминонд прекрасно играл на лире.’

Однако существует и «грамматикализованный» AcI, который используется при опущении управляющего глагола в историческом нарративе, пример (21):

(21) *(milites)... legatos ex suo numero ad Caesarem mittunt: sese paratos esse portas aperire, quaeque imperaverit, facere*

(Caes. BCiv. 1. 20. 5)

‘(воины) отправляют послов к Цезарю: **они, дескать, готовы** открыть ворота и делать все, что он прикажет’.

Как уже подчеркивалось, AcI/ NcI вместе с конъюнктивом используются для маркирования косвенной речи, но язык использует их и для выражения иных смыслов. Таким образом, эти средства полностью отвечают определению эвиденциальной стратегии. В примере (22), представляющем собой пассаж из речи Дивикона, обращенной к Цезарю, все глаголы представлены в форме либо инфинитива, либо конъюнктива:

(22) *[is (Divico) ita cum Caesare egit]: si pacem populus Romanus cum Helvetiis faceret, in eam partem ituros atque ibi futuros Helvetios ubi eos Caesar constituisset atque esse voluisset; sin bello persequi perseveraret, reminisceretur et veteris incommodi populi Romani et pristinae virtutis Helvetiorum. quod improviso unum pagum adortus esset, cum ii qui flumen transissent, suis auxilium ferre non possent, ne ob eam rem aut suae magnopere virtuti tribueret aut ipsos despiceret* (Caes. BGal 1, 13, 3–6)

‘(Дивикон) так говорил с Цезарем: если римский народ заключит мир с гелльветами, они пойдут в ту сторону и будут там, где Цезарь решит и захочет, чтобы они были; если же он

будет преследовать их войной, пусть вспомнит и о былом несчастье римского народа, и о прежней доблести гельветов; а что до того, что он неожиданно напал на один паг, когда те, которые перешли через реку, не могли прийти на помощь к своим, пусть он не очень-то приписывает это своей доблести и не презирает их’.

3.2. Логофорическое использование рефлексивов

В дополнение к АсI и конъюнктиву латинский язык предоставляет еще одну возможность кодирования косвенной засвидетельствованности, а именно, логофорическое использование возвратных местоимений¹¹. Важнейшая функция логофорических местоимений – указывать на совпадение говорящего и субъекта (объекта) зависимой предикации, следовательно, логофорические маркеры помогают избежать двусмысленности в указании на источник информации (Nikitina 2012₁: 242; 2012₂: 296). Близость логофорических маркеров и эвиденциалов неоднократно отмечалась исследователями (Dimmendaal 2001; Aikhenvald 2004: 133; Wiemer 2007: 230). В примере (23), воспроизводящем речь Цезаря, возвратное местоимение *sibi* в зависимой предикации кореферентно субъекту главного предложения *Caesar* и представляет его как источник информации:

(23) *His Caesar; ita respondit: eo sibi; minus dubitationis dari, quod eas res, quas legati Helvetii commemorassent, memoria teneret, atque eo gravius ferre, quo minus merito populi Romani accidissent* (Caes. *BGall.* 1, 14, 1).

‘На это Цезарь так ответил: тем меньше у него возникает сомнений, что те обстоятельства, о которых напоминают гельветские послы, он держит в памяти, и тем тяжелее переносит, чем менее по заслугам римского народа они случились’.

Преимущество латинского логофорического рефлексива как надежного маркера источника информации, еще более очевидно, если сравнить пример (24) с его переводом на

¹¹ Термин «логофор» был введен К. Ажежем (Nagège 1974) для обозначения источника косвенной речи: логофорические элементы во вложенной предикации, зависящей от глаголов говорения, мыслительной деятельности или чувственного восприятия, кореферентны антецедентам, чьи слова, мысли или чувства передаются в косвенной речи. Данный феномен был впервые обнаружен в африканских языках, имеющих отдельный набор логофорических местоимений, морфологически отличающихся от обычных местоимений. В латыни рефлексивы могут выполнять аналогичную функцию (Pompei 2002: 398–446).

английский – язык, в котором логофорические местоимения отсутствуют:

- (24) *Ariovistus; respondit, si quid ipsi a Caesare; opus est, sese; ad eum; venturum fuisse; si quid ille; se; velit, illum; ad sei venire oportere* (Caes. *BGall.* 1, 34, 5).

‘Ариовист ответил, что если что-то ему самому от Цезаря нужно, он к нему придет; если тот от него чего-то захочет, следует, чтобы тот к нему пришел’.

‘Ariovistus replied that if he himself had needed anything from Caesar, he would have gone to him; and that if Caesar wanted anything from him he ought to come to him’

(Transl. by W. A. McDevitte and W. S. Bohn).

В данном пассаже Ариовист как источник информации последовательно кореферентен с рефлексивом, в то время как его адресат Цезарь – с анафорическим местоимением. В английском переводе оба участника ситуации замещаются анафорическим местоимением ‘he’, что создает двусмысленность.

3. 3. Предложения причины с союзами *quod / quia / quoniam*

Этот тип придаточных предложений допускает как индикатив, так и конъюнктив. Индикатив позволяет представить причину от лица говорящего, как объективную и не подлежащую сомнению, в то время как конъюнктив добавляет обертоны неопределенности, субъективности, дистанцированности от источника информации, как в примерах (25–26):

- (25) *Aristides . . . nonne ob eam causam expulsus est patria, quod praeter modum iustus esset?* (Cic. *Tusc.* 5, 105)

‘Аристид... не потому ли был изгнан из отечества, что был, **якобы**, не в меру справедлив?’

- (26) *Nunc mea mater irata est mihi, quia non redierim domum ad se . . .* (Plaut. *Cist.* 101–102).

‘Нынче моя мать сердится на меня, что я, **будто бы**, не вернулся к ней в дом’.

В данных примерах конъюнктив привносит оттенки дистанцированности и субъективности – неотъемлемые составляющие косвенной засвидетельствованности¹². Такой конъюнктив можно трактовать как маркер непрямого доступа к источнику информации, или эпистемической дистанции: говорящий как

¹² Nuyts 2001; М. Макарецев (Makartsev 2013: 321) определяет эвиденциальность как категорию дистанцирования от передаваемой информации.

бы снимает с себя ответственность за истинность сообщаемого, поскольку передает чужое мнение (Plungian 2010: 47). В отличие от латыни, русский язык может выражать такие оттенки только лексическими средствами (вводными словами, частицами «дескать, якобы, будто бы»), что отражено в переводе.

Стоит также подчеркнуть, что в примере (26) семантика косвенной засвидетельствованности усиливается логофорическим употреблением возвратного местоимения.

3. 4. Конъюнктив в полемических вопросах (*Coniunctivus indignantis*)

Фразы с конъюнктивом, выражающим эмоциональный протест или неприятие ситуации говорящим, являются как будто повторением чьих-то слов и, таким образом, могут трактоваться как разновидность косвенной речи, примеры (27–28)¹³:

(27) I, redde aurum! **Reddam** ego aurum? (Plaut. *Aul.* 829)

‘Иди, верни золото! – Да чтобы я вернул золото?!’

(28) Exercitum tu **habeas** diutius quam populus iussit invito senatu? (Cic. *Att.* 7, 9, 4)

‘Да чтобы ты владел войском дольше, чем приказал римский народ, вопреки сенату?!’

Потенциальный конъюнктив в таких предложениях, как и в рассмотренных выше причинных, создает дистанцию между говорящим и адресатом и показывает, что говорящий не ручается за истинность сообщаемого, поскольку передает чужое мнение.

4. Заключение

В данной статье я попыталась показать важность категории эвиденциальности как одного из возможных подходов к анализу грамматической системы латинского языка. Анализ касался некоторых морфологических форм и синтаксических конструкций, которые в традиционных грамматиках относятся к категориям времени, наклонения, залога и т. д. и ранее не рассматривались как эвиденциалы. Между тем их трактовка как эвиденциальных стратегий позволяет обогатить наше понимание латинского языка и осознать, что традиционный грамматический инвентарь может выражать гораздо больше значений, чем принято думать.

¹³ Примеры взяты из Pinkster 2015: 486.

В дальнейшем к этому материалу можно было бы добавить лексические способы выражения эвиденциальных значений в латыни и сравнить их с соответствующими средствами в других европейских языках, особенно в романских, чтобы проследить эволюцию эвиденциальных показателей в диахронии.

Литература

- Aikhenvald, A. Y. 2004: *Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press.
- Anderson, L. B. 1986: Evidentials, paths of change, and mental maps: Typologically regular asymmetries. In: Chafe, W., Nichols, J. (eds.). *Evidentiality: The linguistic coding of epistemology*. Norwood (NJ), 273–312.
- Boye, K., Harde, P. 2009: Evidentiality: Linguistic categories and grammaticalization. *Functions of Language* 16/1, 9–43.
- Chafe, W. 1986: Evidentiality in English conversation and academic writing. In: Chafe, W., Nichols, J. (eds.) *Evidentiality: the Linguistic coding of epistemology*. Norwood, 261–272.
- Cuzzolin, P. 2010: Evidentialitätsstrategien im Lateinischen Vorläufige Bemerkungen. In: Kienpointner, M., Anreiter, P. (eds.). *Latin Linguistics Today: Proceedings of the 15. CILL, Innsbruck, April 4–9, 2009, 249–256* (= *Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft*).
- Diewald, G., Smirnova, E. 2010: Evidentiality in European languages: the lexical-grammatical distinction. In: Diewald, G., Smirnova, E. (eds.). *Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages*. Empirical Approaches to Language Typology [EALT] 49. Berlin/New York, 1–14.
- Dimmendaal, G. J. 2001: Logophoric marking and represented speech in African languages as evidential hedging strategies. *Australian Journal of Linguistics* 21/1, 131–57.
- Givon, T. 1982: Evidentiality and epistemic space. *Studies in Language* 6/1, 23–49.
- Greco, P. 2013: Latin *Accusativus cum Participio*: syntactic description, evidential values, and diachronic development. *Journal of Latin Linguistics* 12/2, 173–198.
- Guardamagna, C. 2017: Reported evidentiality, attribution and epistemic modality: a corpus-based diachronic study of Latin *secundum* NP (according to NP). *Language Science* 59, 159–179.
- Guentchéva, Z. 1994: Manifestation de la catégorie médiatif dans les temps du français. *Langue française* 102, 8–23.
- de Haan, F. 1999: Evidentiality and epistemic modality: Setting boundaries. *Southwest Journal of Linguistics* 18, 83–101.
- Hagège, C. 1974: Les pronoms logophoriques. *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris* 69, 287–310.
- Hansen, B. 2007: [Evidentiality in German]. In: Khrakovskij, V. S. (ed.). *Evidentsial'nost' v iazykakh Evropy i Azii* [Evidentiality in the languages of Europe and Asia]. St. Petersburg, 241–252.

- Ханзен, Б. 2007: Эвиденциальность в немецком языке. В сб.: Храковский, В. С. *Эвиденциальность в языках Европы и Азии*. СПб.: Наука, 241–252.
- Haßler, G. 2010: Epistemic modality and evidentiality and their determination on a deictic basis: the case of Romance languages. In: Diewald, G., Smirnova, E. (eds.). *Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages*. Empirical Approaches to Language Typology [EALT] 49. Berlin; New York, 1–14.
- Cordi, E. 2007: [Category of evidentiality in French]. In: Khrakovskij, V. S. (ed.). *Evidentsial'nost' v iazykakh Evropy i Azii* [Evidentiality in the languages of Europe and Asia]. St. Petersburg, 253–291.
- Корди, Е. 2007: Эвиденциальность во французском языке. В сб.: Храковский, В. С. *Эвиденциальность в языках Европы и Азии*. СПб.: Наука, 253–291.
- Lampert, G., Lampert, M. 2010: Where does evidentiality reside? Notes on (alleged) limiting cases: *seem* and *be like*. *STUF – Language Typology and Universals* 63/4, 308–321.
- Lazard, G. 2001: On the Grammaticalization of Evidentiality. *Journal of Pragmatics* 33, 359–367.
- Makartsev, M. M. 2014: *Evidentsial'nost' v prostranstve balkanskogo teksta* [Evidentiality in the space of the Balkan text] Moscow; St. Petersburg.
- Макарцев, М.М. 2014: Эвиденциальность в пространстве балканского текста. М.; СПб.: Нестор.
- Manea, D. 2005: Modurile personale (predicative). In: *Gramatica limbii române I*, Cuvântul. Bucureşti, 373 - 377; 384–399.
- Nuyts, J. 2001: Subjectivity as an evidential dimension in epistemic modal expressions. *Journal of Pragmatics* 33, 383–400.
- Nikitina, T. 2012₁: Personal deixis and reported discourse: Towards a typology of person alignment. *Linguistic Typology* 16, 233–263.
- Nikitina, T. 2012₂: Logophoric Discourse and First Person Reporting in Wan (West Africa). *Anthropological Linguistics* 54/ 3, 280–301.
- Pinkster, H. 2015: *Oxford Latin Syntax*. Oxford: Oxford University Press.
- Plungian, V. A. 2001: The place of evidentiality within the universal grammatical space. *Journal of Pragmatics* 33, 349–357.
- Plungian, V. A. 2010: Types of verbal evidentiality marking: an overview. In: Diewald, G., Smirnova E. (eds.). *Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages*. Empirical Approaches to Language Typology [EALT] 49, Berlin/New York, 15–58.
- Pompei, A. 2002: Riflessivi indiretti in latino e logoforicità. *Studi Italiani di Linguistica Teorica e Applicata*, 398–446.
- van Rooy, R. 2016: The relevance of evidentiality for Ancient Greek. *Journal of Greek linguistics* 16, 3–46.
- Wiemer, B. 2007: [Indirect evidentiality in Lithuanian], in: Khrakovskij V. S. (ed.). *Evidentsial'nost' v jazykakh Evropy i Azii* [Evidentiality in the languages of Europe and Asia] St. Petersburg, 197–240.
- Вимер, Б. Косвенная засвидетельствованность в литовском языке. В сб.: Храковский, В. С. *Эвиденциальность в языках Европы и Азии*. СПб.: Наука, 197–240.
- Wiemer, B., Stathi, K. 2010. The database of evidential markers in

- European languages. A bird's eye view of the conception of the database (the template and problems hidden beneath it). *STUF – Language Typology and Universals* 63/4, 275–289.
- Willett, T. 1988: A cross-linguistic survey of the grammaticalization of evidentiality. *Studies in language* 12, 51–97.
- Zhelтова Е., 2017: Evidential strategies in Latin. *Hyperboreus: Studia Classica* 23/2 (в печати).

E. V. Zheltova. Indirect evidentiality in Latin

In spite of the long in-depth study, Latin proved to have not been investigated sufficiently from the angle of evidentiality. The paper, therefore, aims at drawing attention to certain phenomena in Latin which can be treated as linguistic devices for rendering the main values of indirect evidentiality. It seems to be important for both the linguistic typology and for the rethinking and reinterpretation of some grammatical phenomena in Latin. The author singles out a set of morphological and syntactic means to express the main indirect evidential values: five means for rendering inferential (or presumptive) evidence and four - for reported evidence. The author's claim is that these means belong to the grammar rather than to the lexicon of the Latin language and, therefore, can be treated as evidential strategies. Considering these grammatical phenomena as evidential strategies may enrich one's understanding of the Latin language and help to realize that the traditional inventory of grammatical forms and constructions can express many more values than one might have expected.

Keywords: the Latin language, evidentiality, indirect inferential (presumptive) evidence, indirect reported evidence, subjectivity in language.